

ПО СКАЗКЕ УТ. ЕРШОВА

КОНЕК ГОРОУНОК

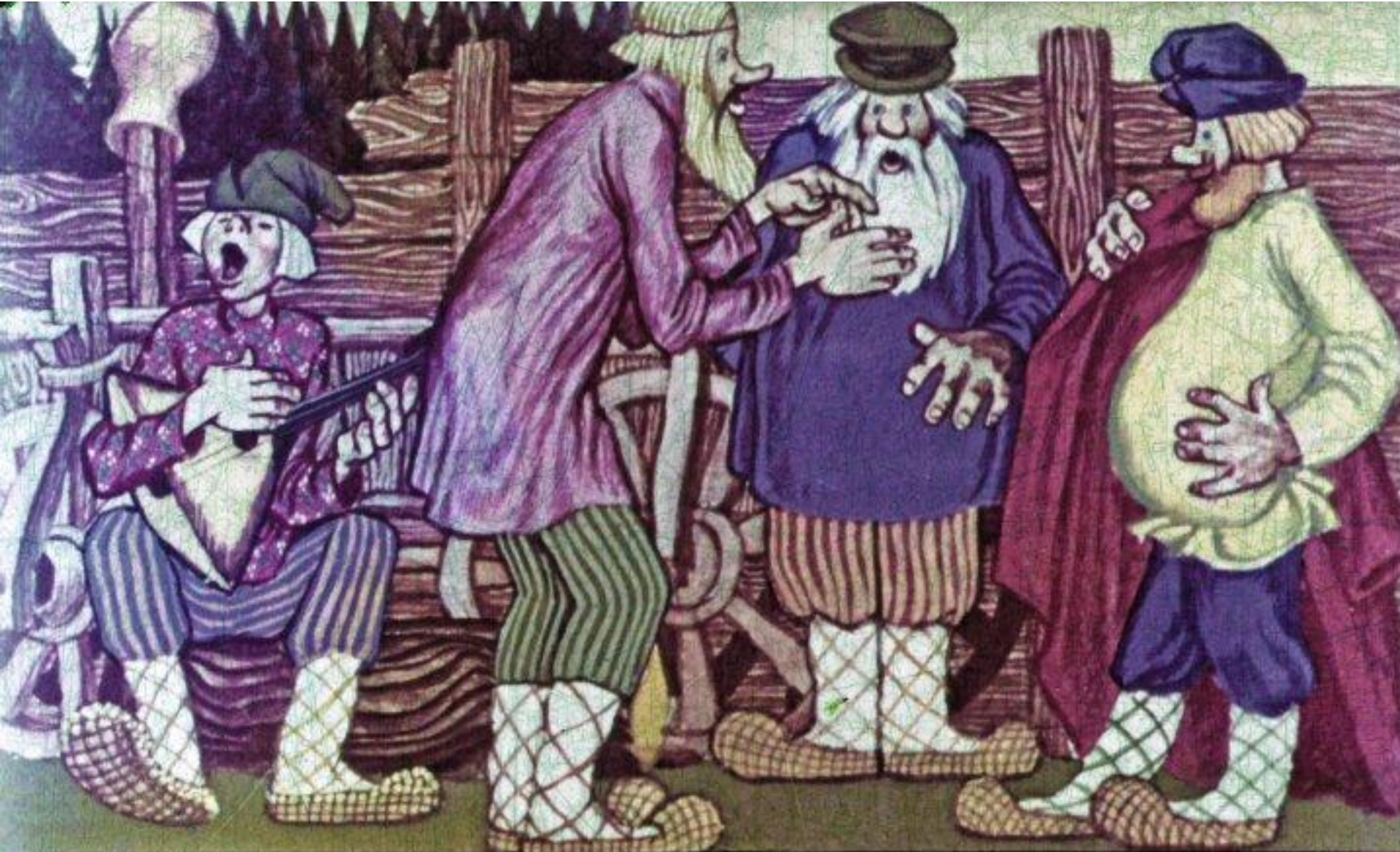

РИСОВАЛ В. УТСАРЕВ

За горами, за лесами,
За широкими морями,
Не на небе — на земле
Жил старик в одном селе.

У старинушки три сына:
Старший умный был детина,
Средний сын и так и сяк,
Младший вовсе был дурак.

В долгом времени аль вскоре
Приключилося им горе:
Кто-то в поле стал ходить
И пшеницу шевелить.

Мужички себе сменнули,
Чтоб стоять на карауле,
Хлеб ночами побережъ,
Злого вора подстеречь.

Вот, как стало лишь смеркаться,
Начал старший брат собираться:
Вынул вилы и топор
И отправился в дозор.

Ночь ненастная настала,
На него боязнь напала,
И со страхов наш мужик
Закопался под сенник.

Стало сызнава смернаться;
Средний брат пошел собираться...
Ночь холодная настала,
Дрожь на малого напала,

Зубы начали плясать;
Он ударился бежать —
И всю ночь ходил дозором
У соседки под забором.

Стало в третий раз смернаться,
Надо младшему собираться;
Он и усом не ведет,
На печи в углу поет...

Вот Иван с печи слезает,
Малахай свой надевает,
Хлеб за пахузу кладет,
Нараул держать идет.

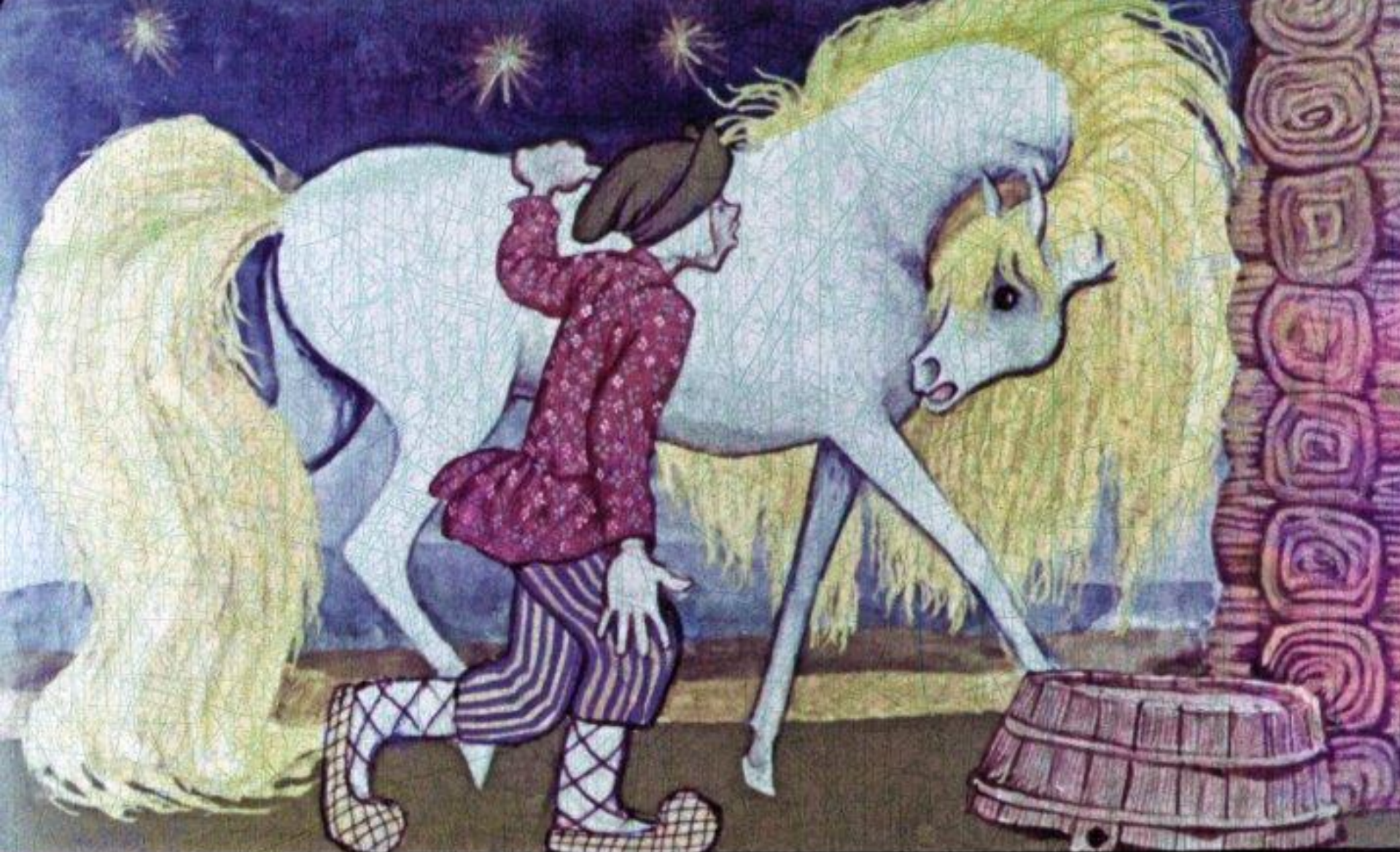
Ночь настала; месяц всходит;
Поле все Иван обходит...
Вдруг о полночь конь заржал...
Нараульщик наш привстал,

Посмотрел под рукавицу
И увидел кобылицу.
„Эхе-хе! Так вот какой
Наш воришко! Но, постой...“

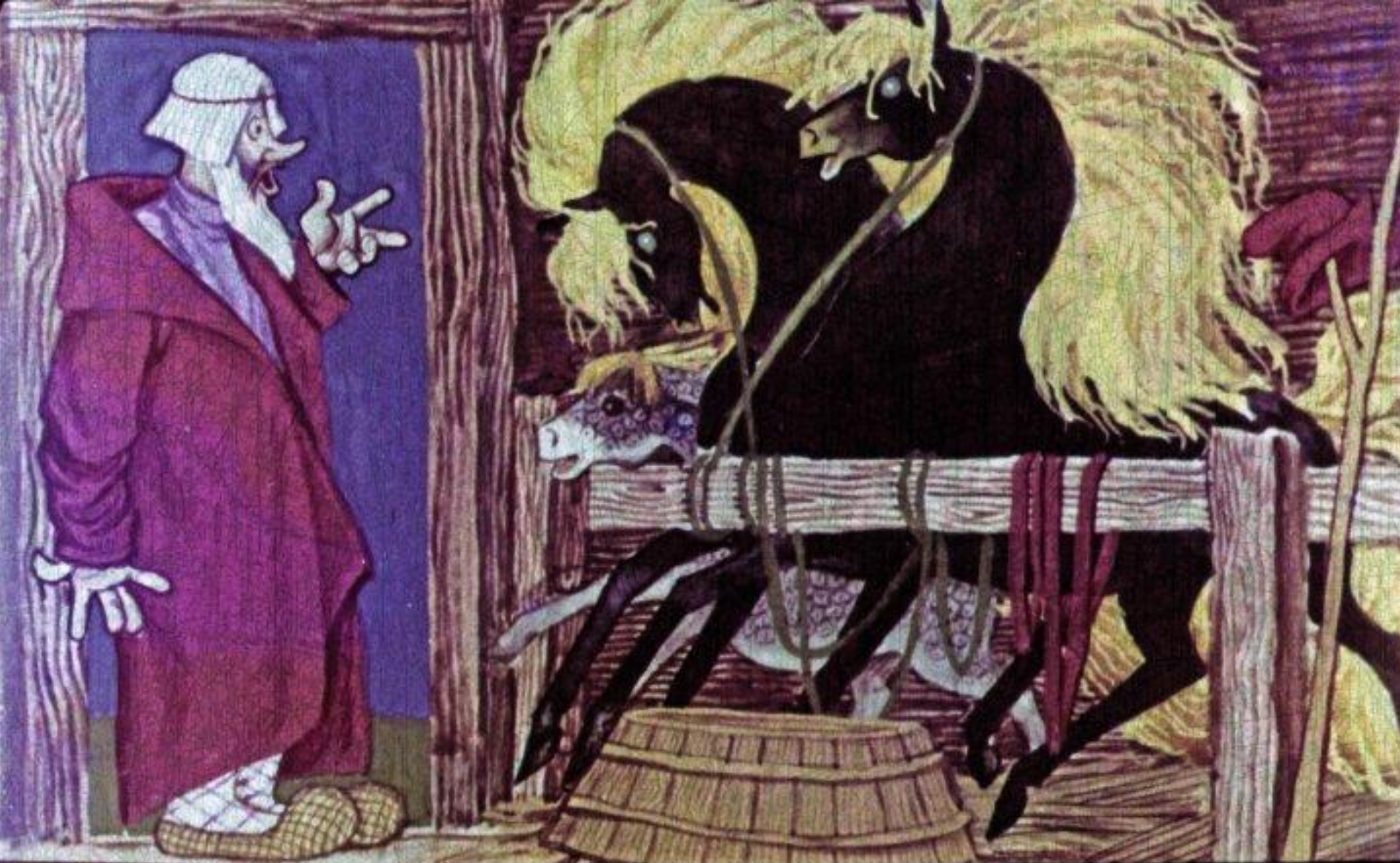
Нобылица молодая,
Очью бешено сверкая,
Змеем голову свила
И пустилась, как стрела.

Хочет силой аль обманом,
Лишь бы справиться с Иваном.
Но Иван и сам не прост —
Нрепко держится за хвост.

Наконец она устала.
„Ну, Иван, — ему сназала, —
По исходе же трех дней
Двух рожу тебе коней...

Да еще рожу конька
Ростом только в три вершка.
На земле и под землей
Он товарищ будет твой“.

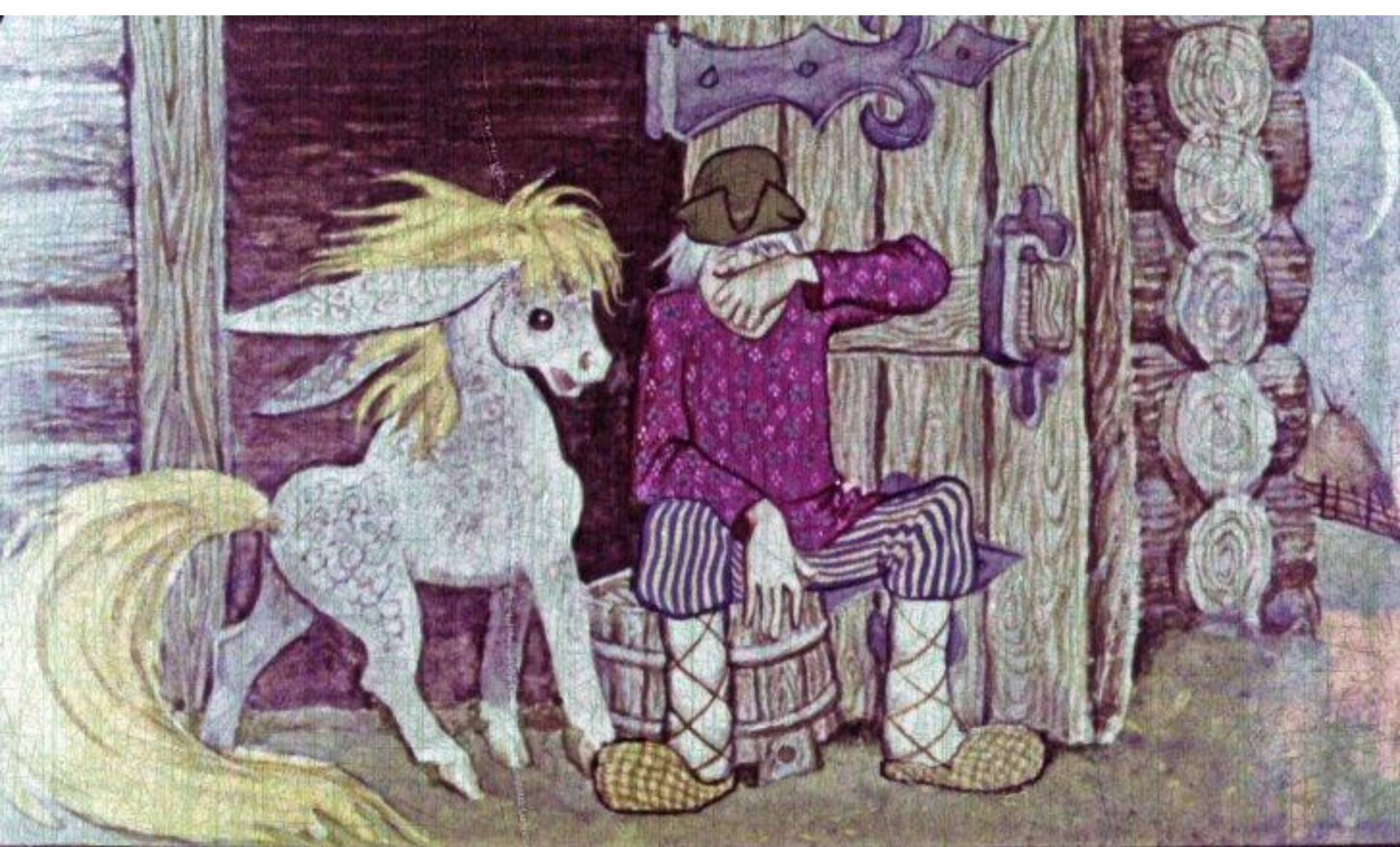
Раз Данило
(В праздник, помнится, то было),
Затащился в балаган.
Что ж он видит? — Прекрасивых

Двух коней золотогривых
Да игрушечку-конька
Ростом только в три вершка.

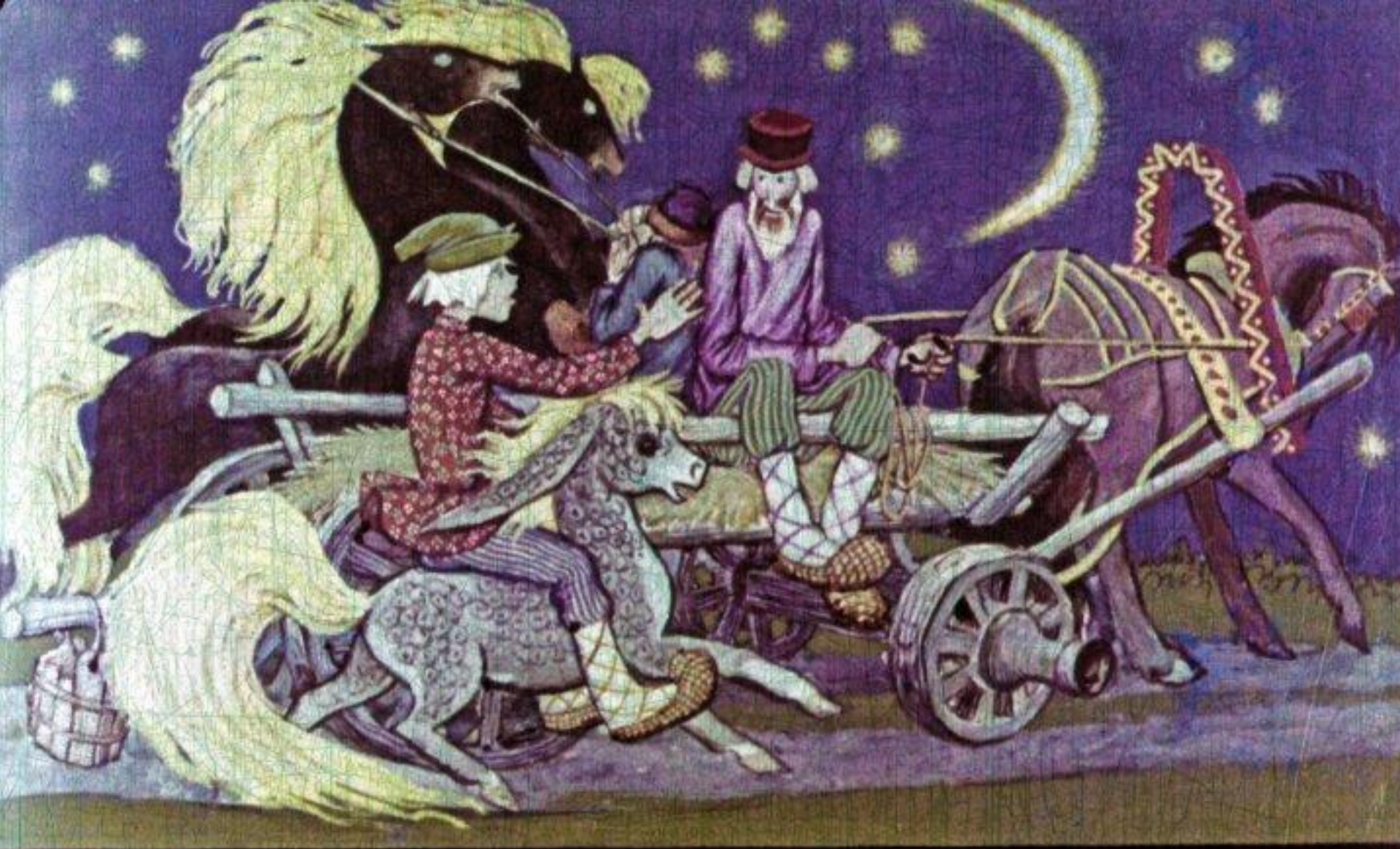
Вот Данило в дом бежит
И Гавриле говорит:
„Ну, Гаврило, в ту седмицу

Отведем-на их в столицу;
Там боярам продадим,
Деньги ровно поделим“.

„Ой вы, кони буры-сивы,
Добры кони златогривы!
Я ль вас, други, не ласкал,
Да какой вас черт украл?“ —

„Велика беда, не спорю,
Но могу помочь я горю.
Ты на черта не клепли:
Братья коников свели“.

Только пыльными клубами
Вихорь вился под ногами.
И в два мига, коль не в миг,
Наш Иван воров настиг.

„Вы ступайте, — говорит Иван, —
Продайте златогривых два коня,
Да возьмите ж и меня“.

Вот Данило вдруг заметил,
Что огонь вдали засветил.
„Вот бы курево развесть!
Чудо было б!.. А послушай,

Побегай-на, брат Ванюша!“
Сам же думает Данило:
„Чтоб тебя там задавило!“

„Вот уж есть чему дивиться!
Тут лежит перо Жар-птицы,
Но для счастья своего
Не бери себе его“.—

„Говори ты! Как не так!“ —
Про себя ворчит дурак;
И, подняв перо Жар-птицы,
Завернул его в тряпицы.

Тут коней они впрягли
И в столицу приезжали,
Становились в конный ряд,
Супротив больших палат.

Кони ржали и храпели,
Очи яхонтом горели;
В мелки кольца завитой,
Хвост струился золотой.

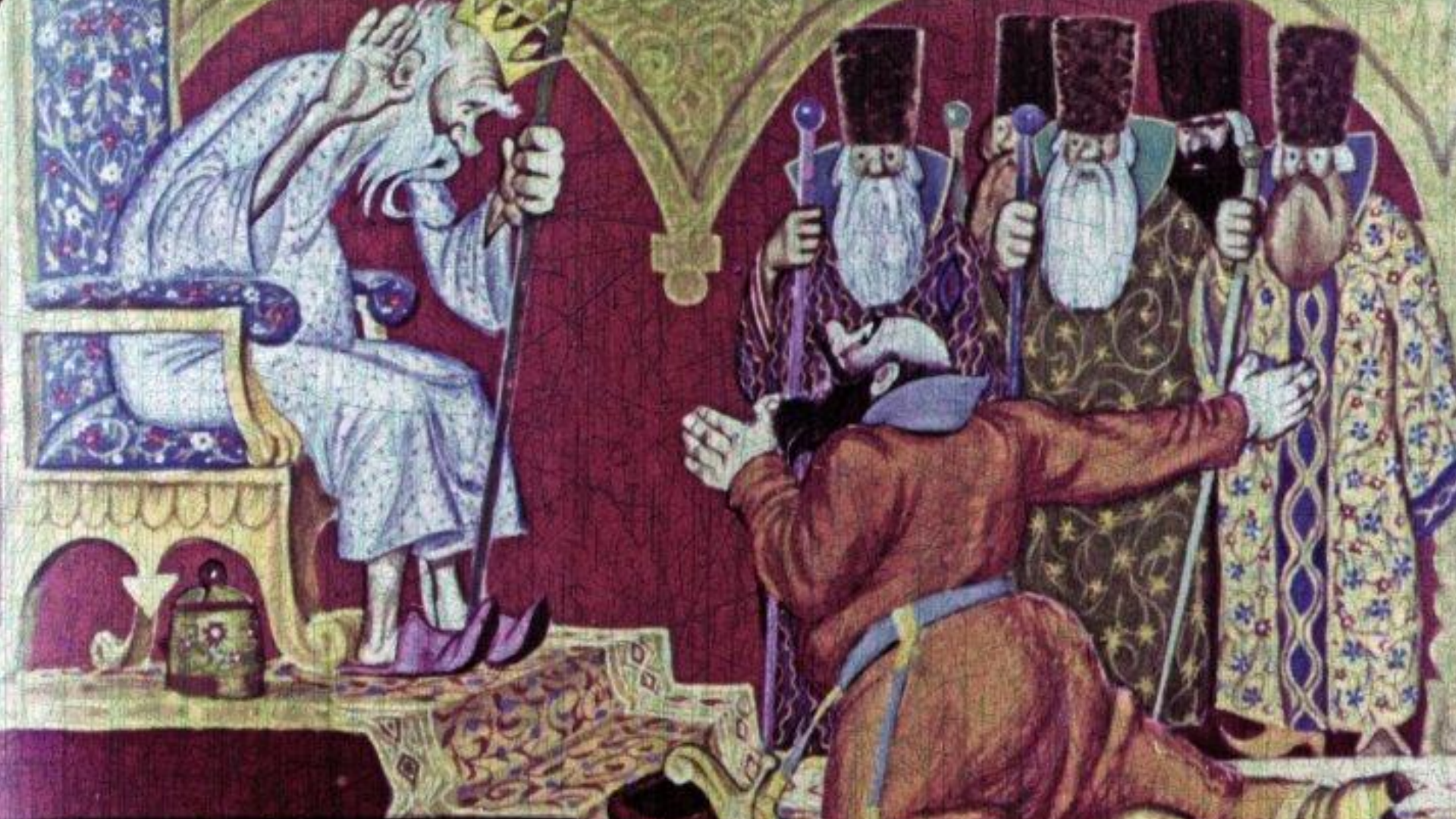
Гости лавки отпирают,
Люд крещеный заклинают:
„Эй, честные господа,

К нам пожалуйста сюда!
Как у нас ли тары-бары,
Всяки разные товары!“

Между тем градской отряд
Приезжает в конный ряд;
Смотрит — давка от народу.
Нет ни выхода, ни входу;

Пред глазами конный ряд;
Два коня в ряду стоят,
Молодые, вороные,
Вьются гривы золотые.

Городничий между тем
Наказал престорого всем,
Чтоб коней не покупали,
Что он едет ко двору
Доложить о всем царю.
Царь не мог тут усидеть.

„Надо коней поглядеть, —
Говорит он, — да не худо
И завести такое чудо“.

Царь умылся, нарядился
И на рынок покатился.

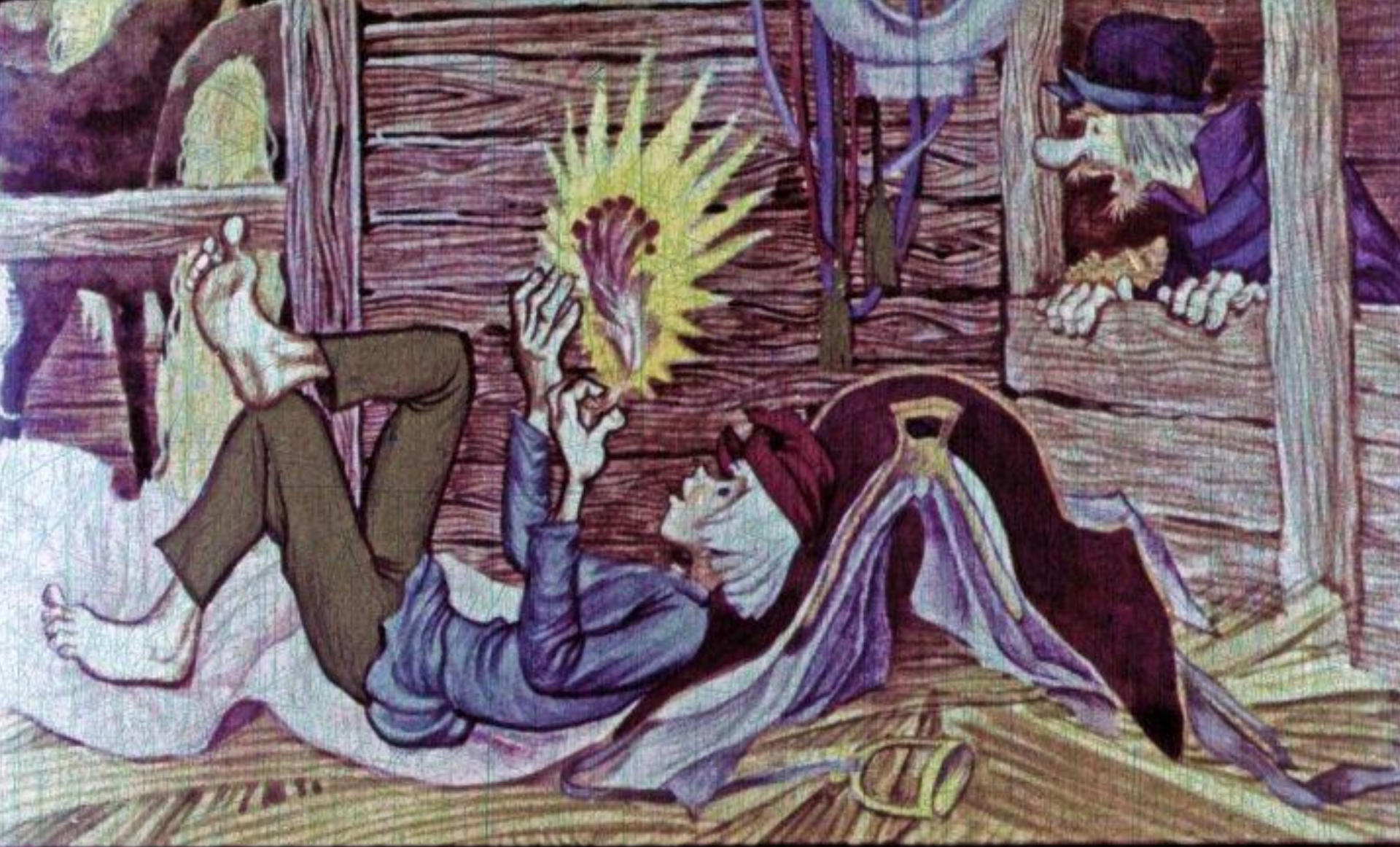
„Ну, я пару покупаю!
Продаешь ты?“— „Нет, меняю!“—
„Что в промен берешь добра?“—
„Два — пять шапок серебра“.—

„Пара нашим не дается;
Делать нечего, придется
Во дворце тебе служить.
Будешь в золоте ходить“.

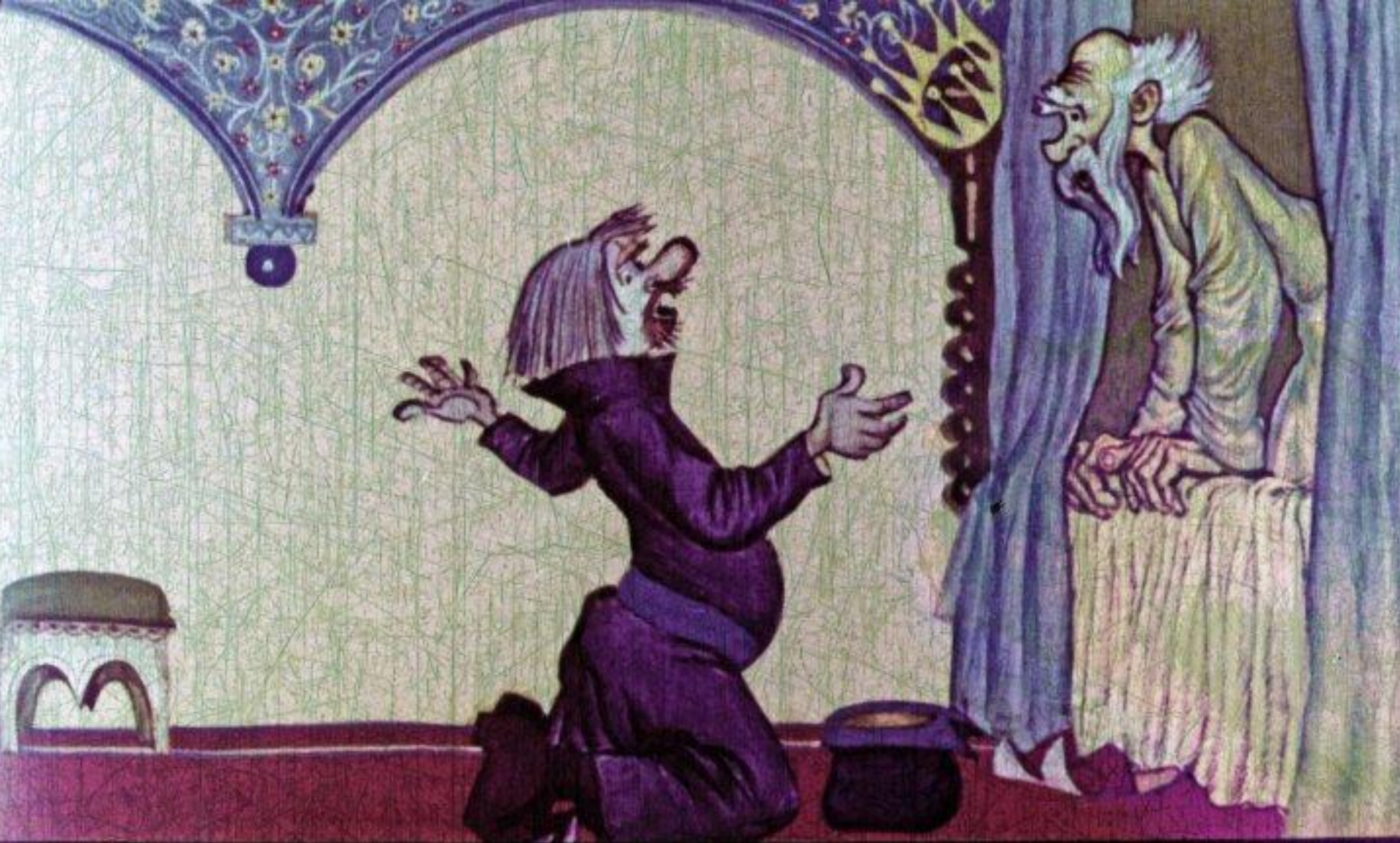
Ну, так видите ль, миряне,
Православны христиане,
Наш удалый молодец

Затесался во дворец;
При конюшне царской служит
И нисколько не потужит.

Так недель через пять
Спальник начал примечать,
Что Иван коней не холит,
И не чистит, и не школит.

В тот же вечер этот спальник,
Прежний конюших начальник,
В стойлы спрятался тайком
И обсыпался овсом.

„Наш Иван, то всякий знает,
От тебя, отец, скрывает,
Но не злато, не серебро —
Жароптицево перо...

Да и самую Жар-птицу
Во твою, отец, светлицу,
Ноль приказ изволишь дать,
Похваляется достать“.

„В силу коего указа
Скрыл от нашего ты глаза
Наше царское добро —
Жароптицево перо?..
Если ты недели в три

Не достанешь мне Жар-птицу
В нашу царскую светлицу,
То, клянуся бородой,
Ты заплатишься со мной!“

„Что, Иванушка, невесел?
Что головушку повесил? —
Говорит ему конек,
У его вертяся ног. —

Велика беда, не спорю;
Но могу помочь я горю.
Оттого беда твоя,
Что не слушался меня“.

На другой день утром рано,
Разбудил конек Ивана:
„Гей! Хозяин! Полно спать!
Время дело исправлять!“

Едут целую седмицу,
Напоследок, в день осьмой,
Приезжают в лес густой.

Что за поле! Зелень тут,
Словно камень-изумруд;
Ветерок над нею веет,

Так вот искорки и сеет;
А по зелени цветы
Несказанной красоты.

„Вот сюда-то до зарницы
Прилетают жары-птицы
Из ручья воды испить;
Тут и будем их ловить...

Ну, в корыто лей вино
И с вином мешай пшено.
А чтоб быть тебе закрыту,
Ты под то подлезь корыто“.

Вот полночною порой
Свет разлился над горой,—
Будто полдни наступают:
Жары-птицы налетают...

Сам с собою под лазейкой,
Наш Иван ужом да змейкой
Но пшену с вином подполз,—
Хвать одну из птиц за хвост.

